

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. IX. РОСЯНКА¹

В статье рассматриваются славянские диалектные названия росянки. Особое внимание уделяется признакам и свойствам растения, которые легли в основу его названий, поверий о нем, а также использования в народной медицине и магии. Подавляющее большинство славянских названий восходит к корню *рос-* и отражает наличие на верхней поверхности листьев капелек жидкости, предназначенной для переваривания насекомых и уподобляемой в народных названиях росе. Такая ассоциация включает вышеназванные фитонимы в обширную область общеславянских представлений о росе. Особенно полезной считалась роса при лечении глазных и кожных заболеваний, что объясняет использование росянки от аналогичных болезней. Единообразие в фитонимике заставляет предполагать праславянское происхождение названий росянки, но целый ряд иноязычных названий с внутренней формой «солнечная роса» говорит о заимствовании данного составного фитонима из западной рукописной традиции. Хищнический образ жизни растения обусловил его использование как привороты.

Ключевые слова: этноботаника, этнолингвистика, росянка, фитоним, диалектология, славянские языки, фольклор, этнография, этнология, народная медицина, народная магия.

Росянка круглолистная *Drosera rotundifolia* L. – растение семейства росянковых *Droseraceae*, до 20 см высотой, многолетнее, «с укороченным стеблем и длинночерешковыми листьями, собранными в прикорневой розетке. Пластинки листьев почти округлые, сверху и по краям усажены оттопыренными красными головчатыми и железистыми волосками с прозрачной водянистой капелькой на конце. Цветки мелкие, правильные, белые, собранные в однобокую кисть, на длинной цветочной стрелке. Плод – 3–5-створчатая коробочка с мелкими многочисленными веретеновидными семенами. Цветет с конца июня до середины августа, плоды созревают в августе-сентябре». Обитает росянка на торфяных и сфагновых болотах, иногда на мокрых песках у воды (Валягина-Малютина 1996: 89).

¹ Автор выражает признательность А. Б. Ипполитовой за помощь в поиске материалов для статьи и ценные замечания, высказанные в ходе работы над текстом; М. А. Лярской – за помощь в переводе с немецкого языка.

Наиболее яркий признак растения – прозрачные капельки на концах красных железистых волосков, назначение которых – привлекать насекомых и одновременно приклеивать их к листу, обеспечивая пищей насекомоядное растение. Эти капельки выглядят как роса, которая, однако, не исчезает даже на солнце: «роса на них всегда, даже в полдень в жару, и то держится» (Federowski 1897 (1): 169). Во всех славянских языках есть названия этого растения, образованные от корня *рос-*: рус. *росичка*, *росянка* (Вел. Росс.), *росница* (Кунг., Осин. Перм.) (Анненков 1878: 129, 398), *росяница* (Вытегор., Пудож. Олон.) (СРНГ 35: 202); бел. *расіца* (зап.-полесск., Гродн. Гродн., Могил. Могил., Гомел. Гомел.), *расічка* (зап.-полесск., Могил. Могил., Сморг. Гродн), *расянка* (Мстисл. Могил.), *раса* (Лельч. Гомел.) (РС 2001: 200); укр. *riska*, *risočka* (Маковиеcki 1936: 133), *рісник* (покут.-буков.), *росиця*, *росичка* (общераспр.), *росішка* (Волин.), *росник* (Карпат.), *росниця* (Карпат.), *росянка* (Кобів 2004: 164); болг. *росица*, *росянка* (БЕР 6: 326–327); србх. *росика*, *росна трава*, *росичина*, *росуља* (Симоновић 1959: 175); русин. воевод. *росна трава* (Шовљански 2010: 210); словен. *rosika* (Karlin 1964: 11); словац. *rosička*, *rosnatka*, *rosnička* (Buffa 1972: 355), *rosovnik* (Choliolčev 1990: 98); чеш. *rosnatka*, *rosnička*, *rosička* (Machek 1954: 94), *rosna trava* (Šulek 1879: 337); пол. *rosiczka* (Высокомазов., Волковыс.) (Pastusiak 2007: 285), *rośnik* (Machek 1954: 94), *rosieniec* (Šulek 1879: 337); луж. *rosnik*, *rosowka*, *rosane zelo*, *rosajte zelo*, *rosowe zelo* (Radyserb-Wjela 1909: 76).

Всеми словарями эта группа фитонимов единодушно возводится к слову *роса* (ЕСУМ 5: 124, ЕСБМ 11: 115, БЕР 6: 329, Choliolčev 1990: 98 и др.). Обычно такое единообразие в фитонимике заставляет предполагать праславянское происхождение анализируемых слов. Однако тот факт, что латинское научное название *Drosera* образовано от гр. *δρόσος* ‘роса’² (Симоновић 1959: 175), дало повод некоторым исследователям считать все аналогичные славянские названия переводами либо с лат. *drosera*, либо с лат. *rorida* ‘покрытая росой’, *rorella*, *salsirola* и под. (ЕСУМ 5: 124, Machek 1954: 94, Bezlaj 3: 197 и др.).

Сильным аргументом в пользу такой версии служит наличие не только целого ряда славянских, но и других европейских – а

² О других названиях росы и ее роли в др.-гр. поэзии см. (Boedeker 1984: 1–5, 125).

также среднелатинского – названий с внутренней формой «солнечная роса». Речь идет о таких фитонимах, как *солнечная роса* (Бурнашев 1844 (2): 226; Даль 4: 105), болг. *слънчева росица* (Ахтаров 1939: 157, БЕР 6: 326), словац. *slnečná rosa* (Buffa 1972: 355), чеш. *rosa slunečná* (Machek 1954: 94), в.-луж. *stónčna rosa* (Radyserb-Wjela 1909: 76), пол. *stoneczna rosa* (Šulek 1879: 337), а также нем. *Sonnentau*, англ. *sundew*, фр. *rosée du soleil*, при наличии ср.-лат. *ros solis*, которое служило также и фармацевтическим названием (БЕР 6: 329)³; ср. тж. дат. *soldug*, шв. *soldagg*, ит. *rugiada del sole*, лат. *saules rasene* (Marzell 2: 168). Вероятность независимого возникновения таких составных наименований, разумеется, стремится к нулю. К выводу о латинском происхождении фитонимов типа «солнечная роса» (в лужицком – при возможном посредничестве немецкого) приходит и Е. Хавлова (Havlová 2005: 294). Однако однословные наименования она считает исконно славянскими. Поддерживая точку зрения чешской исследовательницы, приведем некоторые доводы в пользу этой версии.

Во-первых, фитонимы, образованные от корня *рос-*, свойственны славянским языкам и как названия других растений. Так, за росу принимаются капли влаги, которые долго удерживаются на листьях манжетки обыкновенной *Alchemilla vulgaris* L. в силу особенностей их строения, в результате чего растение и получило название *росянка* (Волог.) (Анненков 1878: 20), бел. *расічка, расянка, раса, расакіля* (ЕСБМ 11: 115), чеш. *rosička* (Ходско) (Hadač, Hadačová, Spal 1964: 7), *rosička, rosnička* (Пльзенский край) (Hadač 1958: 41), *bílá rosička, nebeska rosa* (Havlová 2005: 295). В эту же группу входят *росинник* ‘кизильник’ (Никол. Волог.) (СРНГ 35: 183), бел. *раса* (Столин. Брест.) ‘омела *Viscum*’ (РС 2001: 34), укр. *росичка* (вост.-слобж.) ‘букашник горный *Jasione montana* L.’ (Скорофатова 2009: 246), болг. *росоман* ‘чистотел большой *Chelidonium majus*’ (БЕР 6: 329), хорв. *rosopas, rosno zelje* ‘дымянка *Fumaria*’ (Vajs

³ Блеск капелек слизи на солнце напоминает золото; как пишет Н. И. Анненков, «Известная в свое время золотая вода, Aqua auri, имела в своем составе это растение» (1878: 129). Европейские алхимики XVI в. полагали, что нашли в клейких каплях, выделяемых росянкой, вещество, необходимое для изготовления «золотой воды» и «эликсира жизни». Из нее же изготовлялся ликер Rosoglio (букв. «роса солнца»), популярный в Италии до Первой мировой войны (Dieck 1985: 36).

2003: 267) и др. Трудно представить, что эти названия возникли независимо, а обозначения именно росянки являются кальками.

Во-вторых, у славян существует другое словосочетание – *божья роса* – перенесенный на росянку в качестве фитонима: бел. *божа(я) раса* (Минск., Червен. Минск.; Житков. Гомел.), *богава раса* (диал.) (РС 2001: 200), *boża(ja) rosa* (зап. полес.) (Michajłow 1993: 102); укр. *boža rosa* (Makowiecki 1936: 133); пол. *boża rosa* (Хелм.) (Pastusiak 2007: 285), луж. *boža rosa* (Radyserb-Wjela 1909: 76). В данном случае важным представляется тот факт, что фитонимы этой группы, как и однословные названия, в большинстве своем имеют в источниках географические пометы, отсутствующие у фитонимов с внутренней формой «солнечная роса»; это косвенным образом свидетельствует в пользу исконного в одном случае и заимствованного – в другом происхождения этих групп соответственно⁴.

Капельки на листьях росянки стали причиной и других названий, связывающих растение уже с другой жидкостью – слезами: бел. *ślozki* (Полес.) (Pietkiewicz 1938: 225), также н.-луж. *žycki, lžycki, bogowe lžycki* (Krausch 1). Ассоциация блестящих прозрачных капелек со слезами спровоцировала не только появление фитонима *ślozki*, но и использование растения от болезней глаз (см. ниже).

Продолжают этот ассоциативный ряд названия типа *царские/царевы очи*. В русских рукописных травниках первое упоминание фитонима в форме *царевы очи* относится ко второй четверти XVII в. (ГИМ. Щук. 293; цит. по: Ипполитова 2014: 65). В «Донском словаре» А. В. Миртова (1929: 390) зафиксировано название *очи царские* («лек. раст. от сглазу и для одоления врага») со ссылкой на работу (Номикосов 1884), являющуюся перепечаткой более ранней публикации (Номикосов 1882). При этом формула «для одоления врага» также заставляет подозревать травник как источник этой записи. Ситуация неразличения устной и письменной традиций, к сожалению, обычна для

⁴ В Библии, являющейся источником многих фразеологических оборотов, сочетание *божья роса* встречается лишь в современном переводе. Синодальный перевод использует выражение *роса от Господа*: «И будет остаток Иакова среди многих народов как роса от Господа, как ливень на траве, и он не будет зависеть от человека и полагаться на сынов Адамовых» (Михей 5: 7).

публикаций XIX, и, как следствие, XX–XXI вв.⁵ Приведем цитату еще из одного травника о *царских очах*: «а на лосточьках в подобие глаз с ресницами» (F.VI.16, л. 2–2 об., № 10; цит. по: Ипполитова 2008: 272). В Картотеке СРНГ содержатся следующие сведения: *царевы очи* ‘росянка круглолистная *Drosera rotundifolia* L.’ (Твер., Волог.). Названия росянки *царевы очи* в публикациях Даль 4: 104 и Анненков 1878: 129 не снабжены географическими пометами, однако украинский фитоним *очки цареві* дается как покутско-буковинский (Кобів 2004: 164)⁶.

Прочие названия, отражающие внешний вид растения, имеют отношение в основном к его форме. Так, отмечены укр. *мохнаточка* (Буковина) (Кобів 2004: 164); бел. *jożyk* (Michajłow 1993: 106) – поскольку торчащие волоски напоминают ежовые иголки; бел. *лапкі* (Житков. Гомел.), *гусячыя лапкі* (диал.), *панчошка* [букв. «чулочек»] (Волож. Минск.), и, наконец, *капуцік* [букв. «копытце»]⁷ (Ельск. Гомел.) (РС 2001: 200). Также, вероятно, отражает форму листьев фитоним *царския кудри* (Кунг. и Осин. у.) (Анненков 1878: 398). Очевидно, н.-луж. *пос а źeń* (букв. «ночь и день»; Krausch 1) относится к окраске растения и отражает цветовой контраст желтых листьев и красных волосков – подобные названия обычно даются растениям с «двойной» окраской (см. Колосова 2009: 165, 168).

Как ни странно, такое редкое для европейских растений свойство – способность питаться насекомыми – довольно скудно отражено в фитонимике. Имеется лишь три названия, эксплицитно отражающих эту функцию растения: укр. *мухоловка* (центр. Укр.) (Кобів 2004: 164), болг. *tucholovka* (Choliolčev 1990: 26) и србх. *мухоловка* (Симоновић 1959: 175). Однако существует еще одна группа названий, метафорически указывающая на способность росянки захватывать добычу. Если об укр. *загардушка* (Карпат.) (Кобів 2004: 164) никакой сопутствующей информации найти не удалось, то бел. *загардушка* (*загар-тушка*) (зап.-полесск., Гродн. Гродн.) (РС 2001: 200), *zaharduska* (Federowski 1: 447) в сжатом виде отражает пред-

⁵ Целый ряд показательных примеров см. в Ипполитова 2008: 35–37. Там же высказано наблюдение, что «общая совокупность представленных [Номикосовым. – В. К.] растений очень близка списку последней четверти XVIII в. БАН 45.8.168».

⁶ Кроме того, отмечен фитоним *царские очи* (Ленингр.) в значении ‘белозор болотный *Parnassia palustris*’ (Картотека СРНГ).

⁷ Автор благодарит В. Курцову за это пояснение.

ставление о росянке как о хищнике и, как следствие, о привороте.

Приведем несколько белорусских текстов: «Растение, имеющее применение в любовных чарах, так как, носимая на груди, должна иметь свойство заманивания игривых любовников» (Federowski 1: 447); «Загардушки больше всего растут в белом мху, они очень похожи на мокрицу, что цветет красным, такие же мелкие цветочки, а роса на них всегда, даже в полдень в жару, и то держится. На Турковщине под Толковцами их пропасть. Пусть только парень девушке, или девушка парню даст их чуть-чуть в еду или в одежду зашьет, и он станет сохнуть от любви. Ну вот: один парень... подсунул сестре теперешнего старшины Пашковского, так она так его любила, что сохла, сохла, да и умерла. Потом на ее могиле страх сколько загардушек выросло, хоть они в таком месте никогда не растут; так люди приходили и диву давались» (Там же: 169); «Девушкам следует носить на груди растение загардушка, которое должно быть талисманом, принуждающим к взаимности самого равнодушного юношу» (Там же: 327), «чтобы девушка парня или парень девушку любил, то нужно вырвать загардушки, поносить целый день за пазухой и заткнуть играючи куда-нибудь за ворот, то не на шутку будет любить» (Там же); «*загартушка* – используют для любовных чар. Приготовленный и выпитый настой корней имеет способность притягивать любимую особу. По утверждению деревенской лекарки, это средство советуют лишь ведьмы, а те, что лечат и хотят делать только добро, его не советуют» (Ажэшка 2000: 461). Согласно пояснению Э. Ожешковой, «эта способность волосков [хватать насекомых. – В. К.] должна была натолкнуть на понятие забирая чего-либо, захвата [*загортвання*] и поэтому, вероятно, дано растению название *zahartuszki*... приготовленной и выпитой росянке приписывается способность пробуждения любовных чувств, или притяжения к особе, это средство дающей, как бы захвата [*zagarniania*] с ее помощью той особы, которая ее употребит» (Orzeszkowa 1888: 693). В. Будзишевска поддерживает мотивацию, возводя фитоним к бел. диал. *загартаць* ‘сгрести’ (Budziszewska 1990: 277, цит. по: Pastusiak 2007: 286).

Представления о приворотных свойствах росянки и ее использовании в любовных чарах отразились также в бел. *lubiszczyk* (Полес.) (Pietkiewicz 1938: 225), и, возможно, в рус.

любимая (без геогр.) (Даль 4: 104)⁸. Отмечено это свойство и в травниках: «Коя жена мужа не любит, носи при себе и станет любить. На бой пойдешь, супостата одолеешь» (Самолечение... 1884: 415; *Царския Очи*); «Кто захочет жениться, держи при себе, то ласково жить будет» (РНБ. Q.VI.18, л. 35, № 48; цит. по: Ипполитова 2014: 65; *очи царицы*); «Если жена мужа, и муж жену не любят, то станут любить и жить согласно. От всякого и везде ласковость получишь, и ласкова жена будет» (Действующий травник... 1998: 428; *царицы очи*). В Картотеке СРНГ под заголовком *царёвы очи* (Калуж.) содержится поверье: «Если нет согласия между мужем и женой, то один из супругов должен принести в дом этих цветов», однако растение, имеющее это название, не идентифицировано.

Росянка использовалась и в других видах магии, в частности, охотничьей. Способность растения охотиться на насекомых закономерным образом придала ей в глазах людей способность помочь в охоте и на другую добычу. Так, в рукописном травнике последней четверти XVII в. описывается растение *росеница*: «Есть трава, растет по мхам ниска, подле землю розвалилась, что на маленькой репке, нетинка на ту стать, листки в копейку, мало больше, сверху мохнаты, всегда она мокра, словет росеница»; ее рекомендовалось использовать для помощи в охоте на зайцев и в рыбной ловле: «Та трава добра, хто в лес ходит по за[и]ци. И к рыбной ловле тою травой курить нити, всякую снасть» (ГИМ. Барс. 2219, л. 6 об.; цит. по: Ипполитова 2014: 65; *росеница*). Росянку советовали применять в охоте на птиц: «Кто хочет птицу ловить, носи при себе, много уловишь птиц всяких» (Самолечение 1884: 415; *Царския Очи*); «В ловлении птиц и зверей счастье будет» (Действующий травник... 1998: 428; *царицы очи*). Можно предположить, что способность магически одолевать врагов приписывалась росянке вследствие развития той же логики: «На суд итти на которое дело, возми с

⁸ Отметим, что при фитониме *любимая трава* (также без геогр.) Н. И. Анненков (1878: 129) ссылается на П. Палласа, но не уточняет, на какой именно из трех его трудов, использованных как источники к «Ботаническому словарю». В более раннем издании словаря в статье о растении *Drosera rotundifolia* L. содержится фитоним *любимая трава* с географической пометой «Астрах.» и отсылкой к труду «Voyages dans les gouvernements meridionaux...», однако на указанной странице работы П. С. Палласа под названием *любимая трава* упоминается другое растение – ежовник обыкновенный *Panicum crus galli* (Pallas 1805: 255).

собою – от всякаго человека честен будешь и победиши враги кривым судом; *очи царевы*» (РНБ. Q.VI.18, л. 35, № 48; цит. по: Ипполитова 2014: 65). Однако рекомендации по использованию этого растения в более общих целях сложно объяснить чем-то, кроме универсализации, характерной для традиционной культуры: «И та трава добра держати в доме и к животу, а к тому велми ползует. <...> В путь возми, то добро будет везде. В пир итти, то от всех честен будешь. <...> А которому на коне ездить, держи при себе» (РНБ. Q.VI.18, л. 35, № 48; цит. по: Ипполитова 2014: 65); «Въ пути съ нею добро идти или въ пирь, честень будешь. Конскому сидѣльцу держать при себѣ и у того челоуѣка не будетъ никакая болѣзнь» (Самолечение... 1884: 415).

Семантику добывания, приумножения можно усмотреть и в следующем примере использования росянки под именем *царевы очи* (Твер.): «Употребляется для обкуривания пчел для возбуждения их к поноске» (Картотека СРНГ).

Еще один вид магии, в которой использовалась росянка – молочная. Через освященные веночки из этой травы хозяйки «процеживают молоко, чтобы уберечь его от чар» (бел.) (Fedegowski 1: 440). Эти действия сложно истолковать без уже обсуждавшейся связи росянки с росой (и через внешний вид, и через названия), которая включает относящиеся к росянке фитонимы в обширную область общеславянских представлений о росе. Росе приписывались «продуцирующие, апотропеические и лечебные» свойства, ею умывались или обтирались, катались по ней. При этом роса могла служить оберегом как в силу большого числа капелек, так и благодаря своему свойству исчезать под действием солнечного тепла: «Встает красное солнышко, как снимает ту росу мертвенную, так же и ты снимай с раба Божьего Петра все внутренние переломы, щипоту, ломоту из костей, из жилья» (рус.); «Солнце всиявше, исьше роса. Тако да изьсхнет нежит от раба Божия во имя отца и сина и того духа» (болг.); «Да србнем уроци, како сунце росицу од зелену травицу» (србх.) [Прогоним уроки, как солнце росицу с зеленой травки]. Здесь следует сказать, что сближение понятий «роса» и «молоко» характерно для всех славян, а отнимание росы символически приравнивалось к отбиранию урожая и молока (Виноградова, Толстая 2009: 470–474). На Украине *божьей росой* называли молоко и масло: «за божую росу не берут грошей», «приспоряй, Господи, божу росу, щоб коровки доились» (ПВСП 1: 667). Польские чародейки собирали росу,

обмывали ею вымя своей коровы и тем самым «отбирали» молоко у чужих коров (SSSL I (3): 53)⁹.

Юрьевская роса считалась «лучшим лекарством» не только от болезней, но и от сглаза (напомним об употреблении растения *очи царские* «от сглазу»). Роса широко использовалась в любовной магии; выражение *умываться росой* (Арх.) «служит эвфемизмом для *futuere*», а *забирание росы* означает насыл импотенции/бесплодия (Виноградова, Толстая 2009: 473). В западном Полесье росянкой кормили корову, чтобы она не осталась яловой (Michajlow 1993: 102). В польском обрядовом фольклоре роса выступает как символ мужского семени¹⁰, обычно в образе росы, которая падает на деревья, имеющие женскую символику (SSSL I (3): 54–55) (ср. приворотные функции росянки выше).

Возвращаясь к вопросу об использовании росянки в народной медицине, приведем сначала цитату из труда М. Д. Торэн о народной медицине: «Следует отметить, что крестьяне сделали удивительно тонкие наблюдения. Возьмем, например, росянку. Это растение замечательно тем, что оно является насекомоядным. На его листочках имеются железистые волоски, которые выделяют клейкую жидкость. Когда на лист попадает насекомое, оно прилипает к нему; волоски прикасаются к насекомому и выделяется жидкость, в который и растворяется данное насекомое. А потому росянке стали также приписывать сверхъестественное свойство. Считали, что, подобно тому, как она уничтожает насекомых, она может уничтожить и болезни» (Торэн 1996: 229). Нам это рассуждение кажется чрезмерно общим, а именно не учитывающим зависимости между отдельными признаками и свойствами росянки и теми группами заболеваний, для лечения которых ее применяли.

Анализируя области применения росянки в народной медицине, можно отметить, что многие из них совпадают опять же с функциями росы. Так, в западном Полесье «каплями росы»¹¹, собранными с растения на рассвете, промывали глаза в надежде

⁹ Такая связь существует не только у славян: так, по немецкому поверью, обильная роса «предвещает хороший год на масло»; ведьмы кладут ее в кадки, чтобы коровы давали жирное молоко (ПВСП 1: 667).

¹⁰ О продуцирующей семантике росы как метафоры мужской силы см. (Boedeker 1984: 10–30).

¹¹ К сожалению, автор не поясняет, имеется ли в виду настоящая роса или клейкая жидкость, выделяемая железками растения.

на избавление от болезни и улучшение зрения» (Michajłow 1993: 102); в болгарской народной медицине спиртовая настойка росянки употреблялась от болезни глаз (Ахтаров 1939: 157; Георгиев 1983: 362); об употреблении росянки внутрь при болезни глаз пишет и Н. И. Анненков (1878: 129). В травнике о траве *царскія очи* говорится: «Вельми добра, у кого очи болят: парь ею» (Самолечение... 1884: 415). Роса, в свою очередь, считалась «особенно целительной при лечении глазных и кожных болезней» (Виноградова, Толстая 2009: 473). На Украине собирали юрьевскую росу до восхода солнца: больные промывали ею глаза, девушки умывались, чтобы быть красивыми, старики мочили голову, чтобы не болела; ивановской росой, отжатой с разостланных накануне рушников, лечили глаза переселенцы из Витебской губернии в Сибири; словенские девушки на Троицу умывались росой, «чтобы быть красивыми, не иметь на лице веснушек и прыщей, чтобы хорошо росли волосы, чтобы не болели глаза и т. п.» (Виноградова, Толстая 2009: 472–473). Обмывание глаз росой для лечения болезней зрения, в частности, куриной слепоты, использовалось и в польской народной медицине, так как считалось, что роса «открывает глаза»; росой, собранной с росянки, лечили боль в глазах. Роса также считалась лекарством от гнойников, нарывов, лишая, кожных сыпей, бородавок, мозолей (SSSL I (3): 52–53)¹².

Как видим, после исцеления болезней глаз, вторая важнейшая область применения росы – кожные заболевания или нежелательная пигментация. Что касается росянки, жидкость из ее железок «употреблялась снаружи для истребления бородавок» (Анненков 1878: 129). Растение целиком, истолченное в кашицу, употреблялось от мозолей и бородавок (болг.) (Ахтаров 1939: 157; Георгиев 1983: 362). Представляется, что такими свойствами росянка стала наделяться по аналогии с прозрачной росой, служившей эталоном чистоты. Остальные найденные нами контексты применения росянки единичны: в Пермской губ. «лечились ею, если отнимались руки и ноги и терялась память» (Крылов 1876: 86); в Западном Полесье использовали «при укушении змеи» (Michajłow 1993: 102).

Итак, проанализированные лингвистические и этнографические данные свидетельствуют о самостоятельном возникнове-

¹² В народной медицине Германии и Бельгии росянка использовалась для заживления ран, от болезней глаз, как средство при тяжелых родах и зубной боли, а также в качестве амулета (Dieck 1985: 35–36).

нии названий росянки у славян, за исключением составных фитонимов типа *солнечная роса*. При этом ведущая роль как в номинации, так и в использовании растения принадлежит его внешним признакам: блестящим капелькам на листьях, общей форме, типу питания. Однако некоторые фитонимы, как и особенности использования растения, затруднительно объяснить на материале одной этнической традиции – они требуют привлечения материала всех славянских традиций.

Литература

- Ажэшка 2000 – Ажэшка Э. Людзі і кветкі над Нёманам // Ажэшка Э. Выбраныя творы. Аповесці, апавяданні, нарысы / Уклад., прадм. і камент. В. Гапавай. Мінск, 2000. С. 457–503.
- Анненков 1858 – Анненков Н. И. Простонародные названия русских растений. М., 1858.
- Анненков 1878 – Анненков Н. И. Ботанический словарь или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. Изд. 2-е. М., 1878.
- Ахтаров 1939 – Ахтаров Б. Материал за български ботаничен речник. Събрани от Б. Давидов и А. Явашев. Допълнени и редактирани от Б. Ахтаров. София, 1939.
- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1–. София, 1971–.
- Бурнашев 1843–1844 – Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. В 2-х ч. СПб., 1843–1844.
- Валягина-Малютина 1996 – Валягина-Малютина Е. Т. Лекарственные растения. СПб., 1996.
- Виноградова, Толстая 2009 – Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Роса // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 470–474.
- Георгиев 1983 – Георгиев М. Българска народна медицина. София, 1983.
- ГИМ. Барс. 2219 – Сборник-лечебник посл. четв. XVII в. 54 л. 8°. Государственный Исторический музей (Москва)
- ГИМ. Щук. 293 – Сборник-лечебник перв. пол. XVII в. I+121 л. 8°. Государственный Исторический музей (Москва)
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1989–1991.
- Двигубский 1826 – Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических. 1826. № 3.
- Действующий травник из Южной Сибири (Подготовка текста, предисловие, словник В. А. Липинской и Г. А. Леонтьевой // Традиционный опыт природопользования в России. М.: «Наука», 1998. С. 414–479.
- ЕСБМ – Етымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–. Мінск, 1978–.

- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1–. Київ, 1982–.
- Ипполитова 2008 – Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008.
- Ипполитова 2014 – Ипполитова А. Б. Росянка Drosera в русских рукописных травниках XVII – нач. XX вв. // Славянская диалектная лексикография. СПб.: «Нестор-История», 2014. С. 65.
- Кобів 2004 – Кобів Ю. Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. Київ: Наукова думка, 2004.
- Колосова 2009 – Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.
- Крылов 1876 – Крылов П. О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии. Казань: Тип. Импер. Ун-та, 1876. (Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Т. 5. Вып. 2.).
- Миртов 1929 – Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
- Номикосов 1882 – Н[омикосов С.]. Список растений, употребляемых в народной медицине, которым народ приписывает сверхъестественные свойства // Донские областные ведомости. Новочеркасск. 1882. Часть неофиц. № 25–29.
- Номикосов 1884 – Номикосов С. Список растений, употребляемых в народной медицине, которым народ приписывает сверхъестественные свойства // Номикосов С. Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 171–174.
- ПВСП – Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 тт. М., 1994. (Репринт издания 1865–1869 г.)
- РНБ. Q.VI.18 – Сборник-лечебник втор. пол. XVIII в. 39 л. 4°. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- РС 2001 – Растінни свет: Тэматычны слоўнік. Мінск, 2001.
- Самолечение... 1884 – Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 40. С. 385–386; № 41. С. 395–396; № 42. С. 405–406; № 43. С. 414–415; № 44. С. 423–424; № 45. С. 430–431; № 46. С. 441–442.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов (Вып. 1–42); С. А. Мызников (Вып. 43–). М.; Л., 1965–.
- Симоновић 1959 – Симоновић Д. Ботанички речник. Имена биљака са именима на руском, енглеском, немачком и француском језику. Српска академија наука. Посебна издања. Књ. CCCXVIII. Институт за српскохрватски језик. Књ. 3. Београд, 1959.
- Торэн 1996 – Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
- Шовљански 2010 – Шовљански Р. Речник заштите биља и животног средине српско-русино-латинско-енглески / Шовљански Р. Словник заштите рошљиног и животног стредку сербско-руско-латинско-англијски. Нови Сад, 2010.
- Bezljaj – Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. V 5 knj. Ljubljana, 1977–2007.

- Boedeker 1984 – Boedeker D. Descent from Heaven. Images of Dew in Greek Poetry and religion. Chico (California), 1984. (= American Classical Studies 13).
- Budziszewska 1990 – Budziszewska W. Zielnik litewski M. Federowskiego a jego „Lud białoruski” // *Slavia Orientalis*. 1990. XXXIX. Nr 3–4. S. 273–278.
- Buffa 1972 – Buffa F. Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatury. K histórii slovenského odborného slovníka. Bratislava, 1972.
- Choliolčev 1990 – Choliolčev Ch. Onomasiologiske und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme (Beitrag zur bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). Wien, 1990. (= *Miscellanea Bulgarica* 8).
- Dieck 1985 – Dieck A. Sonnentau (*Drosera*, *Herba Rosellae*) als Volksheilmittel in Europa // *Ethnobotanik – Ethnobotany: Beiträge und Nachträge zur 5. Internationalen Fachkonferenz Ethnomedizin in Freiburg*, 30.11.–3.12.1980. Hrsg. von E. Schröder. Braunschweig; Wiesbaden, 1985. S. 35–36.
- F.VI.16 – Травник начала XIX вв. 34 л. 2°. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- Federowski 1897 (1) – Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. T. 1. Kraków, 1897.
- Hadač 1958 – Hadač E. Lidové názvy vyšších rostlin plzeňského okresu // *Sborník Vyšší Pedagogické školy v Plzni*. 1958. I. S. 37–70.
- Hadač, Hadačová, Spal 1964 – Hadač E., Hadačová A., Spal J. Jména rostlin na Chodsku // *Sborník Pedagogického institutu v Plzni. Jazyk a literatura V*. Praha, 1964. S. 5–60.
- Havlová 2005 – Havlová E. *Rosa* v českých názvech rostlin // *Slavia*. 2005. Ročník 74. Sešit 2–3. S. 293–297.
- Karlin 1964 – Karlin M. Slovenska imena naših zdravilnih rastlin. Ljubljana: Farmaceutsko društvo Slovenije, 1964.
- Krausch – Krausch H.-D. Wörterbuch der niedersorbischen Pflanzennamen. Bd. 1. A-L. Bd. 2. M-Z. (Sorbische Institute, Bautzen, Deutschland).
- Lajnert 1954 – Lajnert J. Rostlinske mjena. Serbske. Nemske. Łačanske. Berlin, 1954.
- Machek 1954 – Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Makowiecki 1936 – Makowiecki S. Słownik botaniczny łacińsko-mało-ruski, zebrał i ułożył w latach 1877–1932 Stefan Makowiecki. Kraków, 1936. (Polska Akad. Umiejętności. Prace komisji językowej. № 24).
- Marzell H. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Bd. 2. Leipzig, 1951.
- Michajłow 1993 – Michajłow P. Ludowe nazwy roślin i ich lecznicze zastosowanie u Poleszuków zachodnich // *Historia leków naturalnych IV. Z historii i etymologii polskich nazw roślin leczniczych*. Warszawa, 1993. S. 99–119.
- Militzer, Schütze 1952 – Militzer M., Schütze T. Die Farn- und Blütenpflanzen im Kreise Bautzen // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. 1952. Č. 1. I. džělba. 1953. Č. 1. II. džělba. Nimorjadny zešiwk.
- Orzeszkowa 1888–1891 – Orzeszkowa E. Ludzie i kwiaty nad Niemnem // *Wiśła*. 1888. T. II, z. 1. S. 1–15; 1888. T. II, z. 4. S. 675–703; 1890. T. IV, z. 1. S. 1–31; 1891. T. V, z. 2. S. 235–247.

- Pallas 1805 – Pallas P. S. Voyages entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie. T. I. Paris, 1805.
- Pastusiak 2007 – Pastusiak K. Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin. Warszawa, 2007.
- Pietkiewicz 1938 – Pietkiewicz C. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne. Warszawa, 1938.
- Radyserb-Wjela 1909 – Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena w dvěmaj džělomaj a sedmjoch stawach po abejcejskim rjedze. Čestny pomnik za serbskeho přirodospytnika njeboh Michała Rostoka, zestajał njeboh Jan Radyserb-Wjela, zřjadował a za čišć přihotował Matej Urban. Budyšin, 1909.
- SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos. Cz. 3. Meteorologia. Lublin, 2012.
- Šulek 1879 – Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.

V. B. Kolosova. Ethnobotanic studies. IX. Sundew

The article concerns Slavonic dialectal names of sundew – a herbal insectivorous perennial plant of Droseraceae family, dwelling on boggy soils. A special attention is paid to the plant's features influencing its names in various parts of Slavonic-speaking territory, beliefs about the plant (reflected in folklore), as well as the use of sundew in ethnomedicine and folk magic.

Most Slavonic names of the plant – as, for example, Russian *росяница*, Bulgarian *посуца*, Serbo-Croatian *посука*, Czech *rosa*, Polish *rosiczka* – ascends to the root *ros-* 'dew'. These phytonyms reflect the special feature of the plant, that is drops of the liquid, intended for digesting insects, on the upper surface of the leaves. These drops in folk ideas are likened to dew. Such association includes the afore-named phytonyms into the vast area of general Slavonic ideas about dew. The dew was supposed to be especially useful in treatment of eye and skin diseases, which explains the use of sundew for diseases of eyes (and against the 'evil eye'), and probably appearing of such phytonyms as Russian *царские очи* and *царевы очи* (lit. "king's eyes").

On the one hand, such similarity in phytonyms suggests pre-Slavonic origin of the names for sundew. On the other hand, there exists not only a number of Slavonic, but also German, French, English, and medieval Latin names with the inner form "sunny dew". They suggest a later borrowing of this composite phytonym from western manuscript tradition.

The insectivorous type of the plant's feeding influenced its use as a love-potion.

Keywords: ethnobotany, ethnolinguistics, sundew, phytonym, dialectology, Slavonic languages, Slavonic studies, folklore, ethnography, ethnology, folk medicine, folk magic.